

«Черноозерский кинжал»: к биографии предмета

Т. А. Горбунова, И. В. Шмидт*

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия

Аннотация. Представлены результаты реконструкции «биографии» костяного вкладышевого орудия – «черноозерского кинжала» со стоянки финального палеолита Черноозерье II (Омская область). Проанализированы архивные материалы 1970–1980-х гг. и данные макросъемки 2007 и 2021 гг. Выявлены трансформации артефакта на «археологическом» и «музейном» этапах его существования. Установлено, что из 71 вкладыша в пазах сохранилось 37, но только 23 из них являются оригинальными. Обнаружены следы клеящих субстанций, фиксирующих историю реставраций. Сделан вывод, что утрата, перемещение вкладышей и экспозиционный износ существенно сокращают возможности трасологического и типологического анализа изделия.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Черноозерье II, финальный палеолит, костяные технологии, вкладышевые изделия, кварцитовые микропластинчатые вкладыши, биография артефакта.

Для цитирования: Горбунова Т. А., Шмидт И. В. «Черноозерский кинжал»: к биографии предмета // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геoархеология. Этнология. Антропология. 2026. Т. 55. С. 3–14. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2026.55.3>

“Chernoozerye Dagger”: Towards a Biography of the Artifact

Т. А. Gorbunova, I. V. Schmidt*

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Abstract. This paper reconstructs the post-excavation biography of an ornamented composite bone tool – the so-called “Chernoozerye dagger” – recovered from cultural layer 1 of the Final Paleolithic site of Chernoozerye 2 (Sargatsky District, Omsk Oblast, Western Siberia). The artifact, fashioned from the diaphyseal wall of a large mammal long bone, represents a slotted bone tool fitted with quartzite microblade insets along both lateral grooves and bearing complex incised decoration on both faces. It was excavated in 1970–1971 from a spatially discrete cluster of exceptional osseous artefacts adjacent to a hearth feature. The tool had already sustained ancient fractures and is currently held in the permanent display of the Omsk State Museum of Regional History (inv. no. OMK 9675). Drawing on the original field report, early line drawings and photographs from the 1970s–1980s, and high-resolution photography conducted in 2007 and 2021, the study tracks cumulative physical transformations across two phases: the “archaeological” phase (excavation, primary processing, and initial publication) and the “museum” phase (conservation, restoration, and long-term display). Of the 71 quartzite microblades originally seated in the lateral slots, only 37 remained *in situ* by 2021; of these, merely 22 retain ancient mastic and can be confidently regarded as original. The remainder are secured by three later adhesive types, attributable to successive undocumented museum interventions. Several blades have been reinserted in altered positions or reversed orientations, and display-related wear from mounting lines has accumulated on the bone surface. These findings demonstrate that artefact transformation does not cease at the point of recovery. Progressive loss and rearrangement of insets critically undermines the potential for use-wear analysis – including the identification of functional zones and directionality of edge damage – upon which any evidence-based reassessment of the “dagger” designation must rest. Metric patterning among the surviving original insets suggests systematic size reduction from the proximal to the distal end; however, this conclusion remains provisional given the incomplete blade set. The study underscores the need for rigorous documentation of post-excavation artefact histories and for preventive conservation protocols that safeguard the analytical integrity of composite tools in museum collections.

Keywords: Western Siberia, Chernoozerye 2, Final Paleolithic, osseous technology, slotted bone point, quartzite microblade insets, artifact biography.

For citation: Gorbunova T. A., Schmidt I. V. “Chernoozerye Dagger”: Towards a Biography of the Artifact. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2026, Vol. 55, pp. 3–14. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2026.55.3> (In Russ.)

* Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
See the last page of the article for full authors information.

Введение

Гуманитарные науки находятся в постоянном так называемом поворотном движении: уже пережиты антропологический, лингвистический, текстологический повороты. В конце 1990 – начале 2000-х гг. в антропологической и социальной науках было объявлено о повороте к «постгуманизму», «новому материализму», «материальному», «к вещам» [Preda 1999; Brown, 2001; Olsen, 2003; Ar-

chaeology ... , 2012; Domanska, 2006; Trentmann, 2009; Coole, Frost, 2010; Domanska, 2010; Wolfe, 2010; Bryant, 2011; The Speculative ... , 2011; Bogost, 2012]. Мировая археология разделила этот интерес и начала возвращение к «вещи» как главной цели своих когнитивных устремлений [Olsen, 2012, p. 18, 20]. Онтологический статус археологического артефакта, оцениваемый всегда достаточно высоко, переживает очередное перерождение. Вещи, все те физические объекты, которые мы называем материальной культурой, являются существами в мире наряду с другими существами, такими как люди, растения и животные. Они – предметы – реалии «кайротической» темпоральности, результат связи артефакта с социальными, культурными и историческими изменениями, участники и поле процессов распада и энтропии, которым подвергаются остатки прошлого [Там же, p. 88].

Артефакт не стабилен, он находится в постоянном «историческом движении», преобразаясь и трансформируясь, и остается посредником между прошлым и настоящим. С учетом его заявленной характеристики становится понятна глубина задачи археолога в диалоге с ним – не только добыть, но и зафиксировать начальные и последующие состояния артефакта, объяснить причину и природу данных изменений. Все это – составляющие интерпретации не только предмета, но и социальных отношений, в контексте которых предмет находился и находится [Barrett, 2022].

Важным аспектом артефакта-информатора является его «археологическая интактность», влияющая на корректность восприятия исторических процессов, участником-иллюстратором которых он является и к реконструкции которых стремится археолог [Edgeworth, 2012]. Соглашаясь с данным тезисом, необходимо также принять и предостережение Б. Олсена о пределах интеллектуального давления на артефакт. Чаще всего артефакт не может дать всего, что исследователь от него ожидает, но «...это не упразднение интерпретации в ее скромной и неизбежной форме, а запоздалое возражение против постоянного стремления думать, что непосредственное и непосредственно воспринимаемое, обычное и повседневное менее интересно, менее значимо, чем скрытое и абстрагированное» [Olsen, 2012, p. 22], и, добавим, утраченное по тем или иным причинам.

Нельзя сказать, что отечественная археологическая мысль игнорирует мировые теоретические тренды, но исследований, посвященных «археологии предмета», в отечественной практике пока немного. Предлагаем одно из них, в центре которого палеолитический артефакт, известный как «черноозерский кинжал».

Исследование посвящено метаморфозам данного уникального костяного предмета со стоянки Черноозерье II, который представляет собой костяное вкладышевое орудие. В настоящее время он выставлен в постоянной экспозиции Омского государственного краеведческого музея (инв. № ОМК 9675). Цель – презентация этапов трансформации «черноозерского кинжала», приведших к изменениям его внешнего облика и редукции информационного потенциала изделия.

Материалы и методы

Алгоритм исследования предмета складывается из анализа археологического контекста его обнаружения и изучения следов бытования в контексте уже музейных реставрационных практик. Первый, археологический, этап его существования хорошо прослеживается по данным полевого отчета и первым публикациям-анонсам о нем. Это помогает увидеть сложности его изначальной реконструкции

и импульсы первых рабочих гипотез. Музейный этап восстанавливается непосредственно по следам реставрационных практик и экспонирования (к сожалению, дневники реставрации не сохранились, как и документы принятия коллекции на хранение в музей). О степени изменения/деформации предмета мы будем судить на основе сравнения документальной базы первой и второй фаз его существования – по прорисовкам и редким оригинальным фотографиям. Внимание сосредоточим на характеристике литической компоненты предмета.

Фиксация изделия и следов «музейного износа» (в 2019 и 2021 гг.) проведена при помощи макросъемки фотокамерой Canon EOS 850D (размеры матрицы 22,3×14,9 мм, разрешение 24,2 млн пикс.) и макрообъективом Canon EF 100mm f/2.8 Macro USM (с использованием макрокольца Canon EOS). Обработка снимков проведена методом стекинга в программе Canon EOS Utility и Helicon Focus.

Результаты

Археологический этап. Стоянка Черноозерье II расположена в южной части Западно-Сибирской равнины, на левобережной части долинного комплекса р. Иртыш, и приурочена к отложениям одноименной гривы (в Саргатском р-не Омской обл.) (рис. 1). Известна археологам с конца 1960-х гг. В 1970 г. исследователями стоянки был взят курс на ее масштабное изучение, что было связано с желанием «полного понимания» комплекса [Петрин, 1971, с. 2]. В предшествующие годы работ раскопки осуществлялись траншеями по 180–200 м², в 1970 г. для вскрытия была взята площадь в 747 м² (согласно представленным планам раскопок)¹, получившая название «раскоп V». Методика экскавации соответствовала предшествующим годам работ: на глубину 2 м от поверхности стерильные отложения снимались бульдозером, далее производилась разбивка площади на квадраты 3×3 м и вскрытие продолжалось в «ручном режиме». В отчете отмечено стремление фиксировать большие, одновременно открытые площади культурных отложений: «...не менее 108 м²» [Там же, с. 3]. После появления древней дневной поверхности квадраты дополнительно разбивались на более мелкие (1×1 м) для полной и точной фиксации всех находок. Под древней дневной поверхностью В. Т. Петриным понимаются культуросодержащие слои 2 и 3, ярко выраженные в цвете и отмеченные большим количеством находок [Там же, с. 2].

Слой 1, в котором был обнаружен «черноозерский кинжал», впервые зафиксирован в 1970 г. в кв. Д-Ж/ 0-02 [Там же, с. 6]. В 1971 г. в кв. 3-И/04-09 в приотчаговой зоне отмечено скопление уникальных артефактов. Находки залегали в слое песка на глубине 2,5–2,6 м (от нулевой точки) [Генинг, Петрин, 1985, с. 4, рис. III].

Уже невозможно найти контрольный репер (установленный ранее в северо-восточной части гривы), по которому велся расчет глубин слоев и находок. В настоящее время «слой 1» фиксируется на уровне 1,1–1,2 м от условного нуля современных раскопок и остается «визуально» трудноуловимым. Согласимся с заявлением коллег о неординарности скопления. «На уч. Д/02 отмечены: обломок костяного украшения, 3 экз. отщепов и 11 экз. обломков костей. Уч. Е/01 наиболее богат находками; здесь найдено 2 обломка костяного кинжала с вкладышами,

¹ Согласно сообщению в отчете – 720 м² [Петрин, 1971, с. 3].

две подвески и обломок диадемы из кости, 5 экз. каменных орудий, 4 экз. крупных отщепов и ножевидных пластинок, 48 экз. мелких отщепов и 15 экз. обломков костей... Уч. Е/02 содержал в юго-восточном углу три обломка костяного кинжала, лежавших рядом, часть диадемы из кости, 5 экз. каменных орудий, 2 экз. крупных отщепов и 2 экз. обломков костей...» [Петрин, 1971, с. 5].

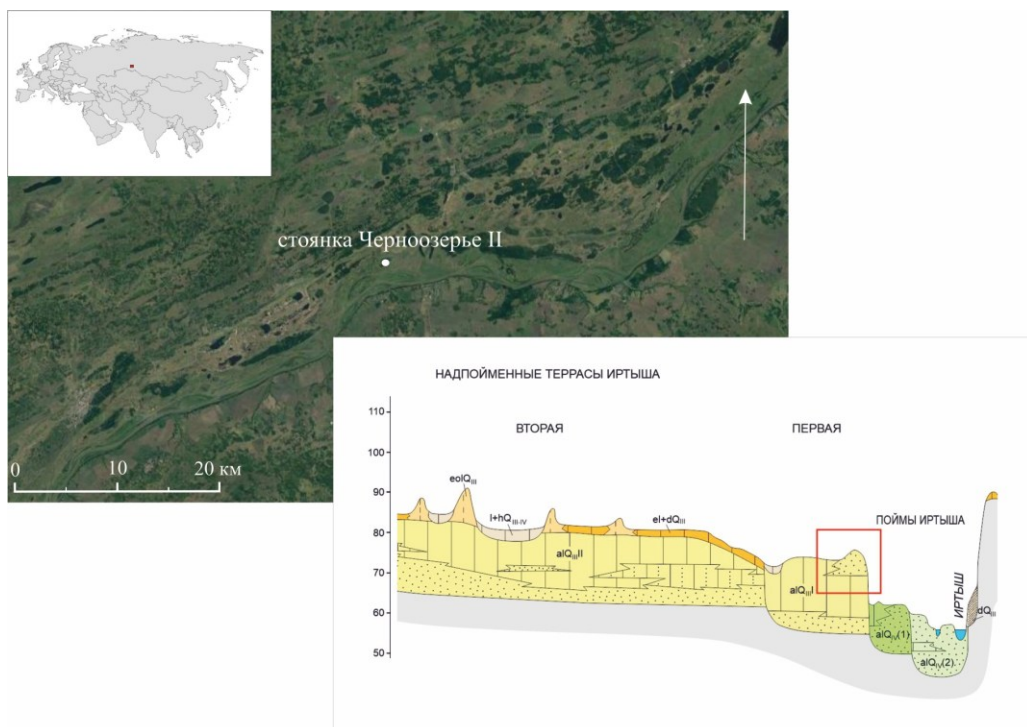


Рис. 1. Ландшафтно-географическое положение стоянки Черноозерье II и гипсометрические данные Черноозерской гривы (ее расположение отмечено красным квадратом)

Fig. 1. Landscape and geographical setting of the Chernoozerye II site and hypsometric data of the Chernoozerye ridge (its location is marked by a red square).

Отметим следующее (рис. 2). Скопления костяных артефактов, действительно, представлены достаточно компактно, но не все из них тяготеют к «очагу». К примеру, рассматриваемое орудие было обнаружено, по-видимому (на плане не указано это точно), в 2–2,5 м южнее очага, расположенного на границе квадратов Д, Е/01-02. Практически все костяные изделия комплекса, обращающие на себя внимание, найдены именно в слое 1. Место их расположения («за дюной вглубь берега», Е/01-Е/02) в отчете было отмечено как «ненасыщенное находками».

Таким образом, интересующий нас артефакт найден в скоплении достаточно редких предметов, объединенных необычным контекстом (недалеко от очага) и в пространстве, удаленном от остальных концентраций находок (по другую сторону дюны). Компоновка предметов в скоплении и их локализация в пространстве могли быть «вызваны какими-то особыми причинами» [Генинг, Петрин, 1985, с. 49]. Следовательно, каждый из них можно назвать «неординарным» предметом.



Рис. 2. План-схема расположения находок в слое 1 в кв. Д-Е/0-02 [Петрин, 1971, с. 26, рис. 5]

Fig. 2. Schematic plan of finds distribution in layer 1, squares D-E/0-02 [Petrin, 1971, p. 26, fig. 5]

Описание орудия в отчете представлено следующим образом: «Кинжал, состоит из шести фрагментов, отсутствует лишь рукоять, кинжал сделан из крупной реберной кости, его длина 39,7 см, максимальная ширина 4,5 см, по обеим узким сторонам прорезаны пазы, в которых сохранились кварцитовые вкладыши. Кинжал покрыт орнаментом, с одной плоскости это линия из высверленных ямок, соединенных неглубокой ложбинкой, в 25,6 см от острия кинжала линия раздваивается и образует 3 примыкающие друг к другу ромба, напротив них на гранях сделаны нарезки в количестве 6 шт. С обратной плоскости по центру идет

продольная бороздка. В противоположном от острия конце кинжала сужается, в месте начала сужения видны два отверстия, служивших, видимо, для прикрепления кинжала к одежде» [Петрин, 1971, с. 19]. И кинжал, и фрагмент еще одного аналогичного ему изделия отнесены к хозяйственному инвентарю [Там же, с. 19].

Столь подробное описание контекста обнаружения и самого изделия, разрушенного еще в древности (о чем говорит патина, покрывающая его зоны сломов), отмечено в двух монографиях, посвященных результатам исследования памятника [Генинг, Петрин, 1985, с. 50; Петрин, 1986, с. 60]. Но в них указано, что кинжал состоит из пяти фрагментов. Можно предположить, что шестой фрагмент был утрачен еще в процессе первичной обработки материалов, до их фоторегистрации и сдачи отчета в архив. Фрагмент мог рассыпаться, не выдержав смены среды бытования. На фотографии изделия в отчете заметна лакуна в единственном месте предмета (см. рис. 3, B2), о которой в описании прежде не сообщалось, ближе к острию изделия [Петрин, 1971, рис. 19]. Туда бы поместился незначительных размеров фрагмент в 2–3 см. С этого эпизода в истории артефакта начинается череда его трансформаций (рис. 3, B).

Музейный этап. Нам не известно, когда артефакт был включен в постоянную экспозицию Омского государственного историко-краеведческого музея (ОГИК музей). Акты передачи коллекции в музей не сохранились, как и замечания реставраторов, которые наблюдали и готовили изделие к экспонированию.

В 2021 г. кинжал, выполненный из стенки диафиза кости крупного животного (не ребра, как это отмечено в отчете), был представлен пятью фрагментами (рис. 3, A), собранными в две части – проксимальную и дистальную. Проксимальная включает первый, второй и третий фрагменты, дистальная – четвертый и пятый. На одну поверхность изделия (условно лицевую) нанесен сложный орнамент. На другой прорезан осевой канал с участком, оформленным изгибающейся «змейкой» [Schmidt, 2025]. Поверхности изделия заглажены, при косом освещении имеют хорошо заметный блеск, не перегружены консервирующим раствором.

Боковые грани изделия снабжены пазами с профилем V-образной формы, которые идут от основания кинжала до острия. Их глубина варьирует от 3,2 мм у основания до 1–1,2 мм у острия, а ширина – от 1,8 до 1,3 мм. Пазы отличаются прямизной и тщательностью обработки. Борта каналов пазов сохранили слабо волнистую/гофрированную текстуру, заметную в зонах их обнажения (рис. 3, D).

На ранней прорисовке и фотографии предмета (рис. 3, B1, 2) в пазах можно видеть 71 вкладыш (один из них состоит из двух частей – видимо, был фрагментирован еще в древности; считаем его как один, а не два). На фотографии 2021 г. вкладышей уже 37 (рис. 3, A; B4). Самые большие потери произошли между 1980-ми и 2007 г., когда был утерян 31 вкладыш, а одна пластина была переклеена в другое место – № 13 по нашей нумерации (рис. 3, A; C4). На фотографии 2007 г. она уже присутствует (рис. 3, B3). С 2007 по 2021 г. исчезло еще три вкладыша (рис. 3, B4).

В пазах и на поверхности пластин сохранились остатки нескольких видов клея, которым были закреплены вкладыши в древности и в ходе последовавших после раскопок реконструкций.

Первый вид клея – светло-серого цвета с мелкими коричневыми и черными вкраплениями (рис. 3, C1). Выглядит хорошо сцементированным, но легко выкрашивается. Это остатки древнего клея, которым мастер закреплял фрагменты пластин в пазах обоймы кинжала.

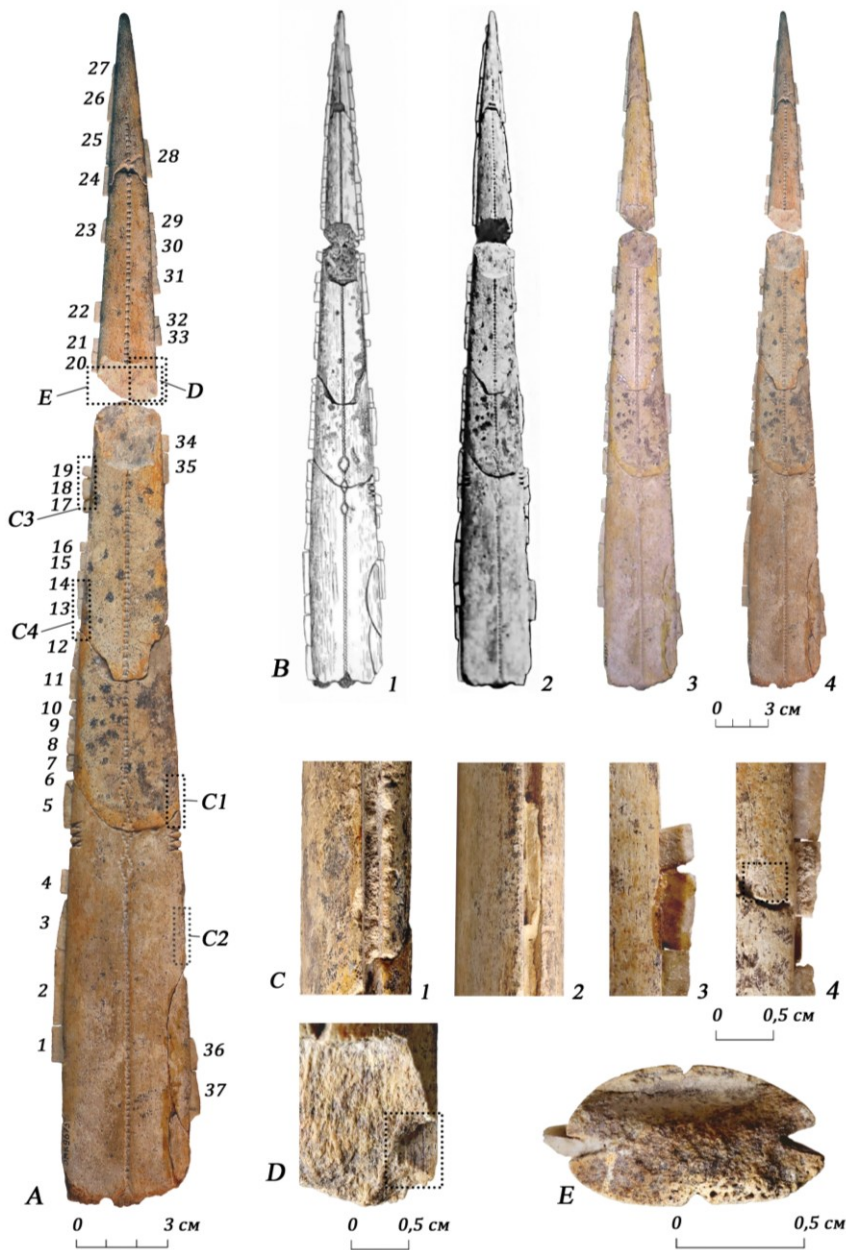


Рис. 3. «Черноозерский кинжал» (инв. ОМК 9675): А – фотография «кинжала» 2021 г. (автор И. В. Шмидт); В – прорисовка и фотографии кинжала разных лет из различных источников: 1 – прорисовка из личного архива В. Т. Петрина, 1980-е гг.; 2 – фотография из полевого отчета В. Т. Петрина [1971, с. 40, рис. 19]; 3 – фотография 2007 г. (автор И. В. Шмидт); 4 – фотография 2021 г. (автор И. В. Шмидт); С – макрофотографии И. В. Шмидт различных видов клеев отдельных зон кинжала: 1 – оригинальный клей; 2 – «застывший пластилин»; 3 – БМК-5, БФ-5 (-6) (?); 4 – ПВА (?) (прямоугольником выделена зона с линейными следами от закрепления в витрине при экспонировании предмета); D – паз в дистальной части «кинжала» со следами пропиливания, выделенный прямоугольником; E – торец дистальной части предмета с вкладышем и сохранившимися следами оригинального клея

Fig. 3. The “Chernoozerye Dagger” (inv. no. OMK 9675): *A* – photograph of the dagger, 2021 (photo by I. V. Schmidt); *B* – line drawing and photographs of the dagger from different years and sources: 1 – line drawing from V. T. Petrin’s personal archive, 1980s; 2 – photograph from V. T. Petrin’s field report [1971, p. 40, fig. 19]; 3 – photograph, 2007 (photo by I. V. Schmidt); 4 – photograph, 2021 (photo by I. V. Schmidt); *C* – macrophotographs by I. V. Schmidt showing different adhesive types on selected zones of the dagger: 1 – original (ancient) mastic; 2 – “hardened plasticine” type adhesive; 3 – BMK-5, BF-5 (-6) (?); 4 – PVA (?) (the rectangle highlights a zone with linear wear traces from display-case mounting lines); *D* – lateral slot in the distal portion of the “dagger” with sawing traces, highlighted by a rectangle; *E* – distal end of the artefact showing a microblade inset with surviving traces of original mastic

Второй вид скрепляющего вещества также светлый, серо-желтого оттенка, твердый и непластичный, непрозрачный. Напоминает застывший пластилин (рис. 3, *C2*).

Третий вид – коричневый, твердый, полупрозрачный. Очень похож на клей «Момент». Но это может быть и БМК-5 или БФ-5 (БФ-6), которыми активно пользуются реставраторы (рис. 3, *C3*).

Четвертый – субстанция молочного цвета с голубоватым или желтым отливом, полупрозрачная. Скорее всего, клей ПВА (рис. 3, *C4*). Пластины, закрепленные в пазах первым видом клея, в дальнейшем будем называть оригинальными.

Анализ последовательности наслоений клеящих субстанций показывает, что из 37 сохранившихся до наших дней в пазах вкладышей только 22 можно считать оригинальными (закрепленными древним клеем) и 1 условно оригинальным (пластина переклеена в другое место другим краем) (табл.). Остальные, вероятно, были взяты из коллекции памятника и вклеены реставраторами после утери оригиналов. Все пластины, сохранившиеся до наших дней, изготовлены из кварцита.

Таблица

Пластины-вкладыши в пазах черноозерского кинжала

Table

Insets in the grooves of the Chernoozerye dagger

№	Фрагмент	Поверхность	Размеры, мм	Вид клея	Примечания
1	Медиальный	Вентральная	12,6×1,4	2–4	Есть на ранней прорисовке.
2	Медиальный	Вентральная	24,3×0,7	2–4	Возможно, это оригинальные пластины, которые были закреплены клеем второго вида после раскопок и переклеивались в ходе последующих реставраций
3	Медиальный	Вентральная	17,2×2,7	2–4	Оригинальная пластина. Дорсальная ретушь, выкрошенность
4	Медиальный	Вентральная	8,0×2,2	1	Оригинальная пластина. Дорсальная выкрошенность на части пластины. Состоит из двух фрагментов: видимо, сломана еще в древности
5	Медиальный	Вентральная	15,7×1,4	1	
6	Медиальный	Вентральная	5,6×1,8	2 и 4	
7	Медиальный	Вентральная	5,1×1,6	2 и 4	
8	Медиальный	Вентральная	7,1×1,4	2 и 4	Сложно сделать вывод об оригинальности пластин. Один из использованных клеев – второй, но на ранней прорисовке и фотографии конфигурация фрагментов иная
9	Медиальный	Вентральная	6,2×1,6	2 и 4	
10	Медиальный	Вентральная	10×1,8	2 и 4	
11	Медиальный	Вентральная	5,5×1,8	2 и 4	
12	Медиальный	Вентральная	7,7×1,3	2 и 4	

Окончание табл.

№	Фрагмент	Поверхность	Размеры, мм	Вид клея	Примечания
13	Медиальный	Вентральная	6,6×1,2	1 и 4	В ранней прорисовке и фотографии отсутствует. Но она оригинальная и принадлежит, очевидно, данному изделию, так как ее поверхность сохраняет следы древнего клея. Позже она была вклеена не только в другое место, но и другим краем
14	Медиальный	Вентральная	3,7×1,6	1	Оригинальные пластины. Вентральная выкрошенность
15	Медиальный	Вентральная	6,8×1,4	1	
16	Медиальный	Вентральная	3,5×0,9	1	
17	Медиальный	Вентральная	3,7×1,6	2 и 3	Присутствуют на ранней фотографии, но по конфигурации не соответствуют прорисовке
18	Медиальный	Вентральная	6,8×1,4	2 и 3	
19	Медиальный	Вентральная	3,5×0,9	1	Оригинальная пластина. дорсальная выкрошенность
20	Медиальный	Вентральная	6,7×1,5	1	Оригинальная пластина. Выемка
21	Медиальный	Вентральная	5,3×1,5	1	Оригинальная пластина
22	Медиальный	Вентральная	7,1×1,9	1	Оригинальная пластина
23	Медиальный	Вентральная	9,7×1,6	1	Оригинальная пластина
24	Медиальный	Вентральная	9,9×1,3	1	Оригинальная пластина
25	Медиальный	Вентральная	14,2×0,8	1	Оригинальная пластина
26	Дистальный	Вентральная	14,5×1,1	1	Оригинальная пластина
27	Дистальный	Вентральная	5,5×0,4	1	Оригинальная пластина
28	Медиальный	Дорсальная	13,2×1,1	1	Оригинальная пластина
29	Медиальный	Дорсальная	5,5×1,0	1	Оригинальная пластина
30	Медиальный	Дорсальная	12,0×1,0	1	Оригинальная пластина
31	Медиальный	Дорсальная	9,2×1,2	1	Оригинальная пластина
32	Медиальный	Дорсальная	3,5×1,7	1	Оригинальная пластина
33	Медиальный	Дорсальная	5,9×1,7	1	Оригинальная пластина
34	Медиальный	Дорсальная	5,6×1,0	1	Оригинальная пластина
35	Медиальный	Дорсальная	10,2×1,0	1	Оригинальная пластина
36	Медиальный	Дорсальная	10,2×1,6	2 и 4	Присутствуют в ранних источниках, но на прорисовке находятся выше, чем на фотографии. Возможно, ошибка художника. В более поздних вариантах на пластине № 37 читается свежий скол. Возможно, оригинальные
37	Медиальный	Дорсальная	17,5×1,7	3 и 4	

В таблице отмечена поверхность пластин относительно лицевого фаса кинжала. В качестве размеров указаны показатели длины и толщины вкладышей. Виды клея обозначены цифрами от 1 до 4.

Эквилибристикой пластин в пазах изделия изменения предмета не ограничиваются. На его поверхности со временем сформировались следы «экспозиционного износа» от крепежных лесок (рис. 3, *С4*). Пока к значительным информационным утратам это не привело, но, безусловно, корректирует облик изделия в контексте современных методик исследования, в поле внимания которых попадают как вкладыши, так и состояние основы, в которую они вставлены.

Обсуждение

Состояние предмета на момент обнаружения оценивалось как превосходное и «наиболее полное» [Генинг, Петрин, 1985, с. 49]. Оно могло находиться в контексте практик, обеспечивших пропитку/устойчивость их материала к долгому депонированию [Шмидт, 2024].

Изменения рассматриваемого предмета начались еще в период «археологического этапа» его существования; сделать ошибку в подсчетах шести фрагментов артефакта достаточно сложно. Нарушен не только корпус изделия, но, что значительно более важно, и его знаковая/орнаментальная запись. Невольно вспоминается, с каким вниманием М. М. Герасимов восстанавливал поверхности полуразрушенной мальтинской пластины, не желая потерять информацию о них [Фролов, 1974, с. 48]. В. Т. Петрин, к сожалению, не сообщает, как был утрачен фрагмент и содержал ли он композиционный сюжет, как он выглядел. Согласно ситуации обнаружения, это «особенный» предмет. Существует внушительный объем специальной литературы, утверждающей взаимообусловленность назначения изделия и его орнаментального оформления. Фрагмент мог содержать стилистически и семантически важный отрезок орнаментальной записи, но теперь на этот счет можно строить лишь догадки [Шмидт, 2005].

В первых публикациях звучат типологические интерпретации предмета как «кинжала». Уже озвучены сомнения на этот счет [Кунгурова, 1997, с. 3]. Впечатление о типе изделия должно быть подтверждено его функциональностью, а информацию об этом получают на основе данных трасологического анализа пластин и костяной обоймы изделия. Но сделать это с каждым годом становится все сложнее. Вкладыши, их порядковость и состояние претерпели значительные изменения – часть исчезла, другая загрязнена клеем, иногда они перевернуты в пазах, а их оригинальный порядок, в контексте которого формировались следы износа, нарушен. Отмеченная выкрошенность и заполировка на некоторых из вкладышей могли бы свидетельствовать о зонах наибольшей утилитарности предмета, если бы они сохранили свою изначальную позицию.

Пластины и их состояние повествуют не только о способах использования предмета, но и технологических нормах создания подобных изделий. К примеру, в оригинальном наборе лезвия зафиксирована лишь одна пластина с ретушью на ее видимом крае (№ 4). Остальные, оригинальные, ретуши не имеют. Заметна и метрическая разница в пластинах, развивающаяся в направлении от проксимальной зоны к дистальной – они уменьшаются в длине и ширине по мере приближения к острию изделия, что может стать тезисом прогностики назначения пластин, находимых в слоях памятника. Порой мы встречаем настолько мелкие микропластины, что сложно себе представить их технологическую необходимость. Если бы наборы лезвий изделия были полными, наши предположения на этот счет звучали бы убедительнее.

Выводы

С опорой на тезис Б. Олсена, что «вещи могут быть самими вещами, источниками их собственного значения» [Olsen, 2012, p. 23] и соответствующих историй, написанных ими самими, мы вынуждены признать, что диапазон результатов проведенного исследования невелик, но показателен. Продемонстрировано постепенное, но неизбежное превращение предмета в кантианскую «вещь

в себе». Основным результатом является тривиальная мысль – артефакты не прекращают своей трансформации после того, как они покинули слой, что влечет за собой изменение их первичной биографии и объема содержащейся в них информации. «Кинжал» – возможно, неплохая рабочая гипотеза, основанная на визуальных характеристиках предмета, но, согласно требованиям доказательной археологии и их развитию, ее необходимо подтвердить фактами: соответствующими следами утилизации/износа единичных оригинальных вкладышей и костяной обоймы, специфики нарушений артефакта. На данный момент сохранилось 23 оригинальные пластины и не все из них в исходном положении (см. табл.). С течением времени их будет оставаться меньше в предмете, они будут меняться качественно (так как сложно остановить разрушение кварцитового полотна), продолжают «миграцию», и это навсегда закроет часть информационного пространства изделия. Отметим, что оно происходит в контексте реставрации предмета и его экспонирования, ведущих к рождению новой реальности.

Список литературы

- Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1985. 88 с.
- Кунгурова Н. Ю. Охота неолитических обитателей Катунь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. 1997. № 2. С. 3–8.
- Петрин В. Т. Отчет об археологических раскопках позднепалеолитической стоянки Черноозерье II, произведенных в 1970 году в Саргатском районе Омской области. Свердловск, 1971. 21 с. и прил. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4336.
- Петрин В. Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск : Наука, 1986. 139 с.
- Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск : Наука, 1974. 240 с.
- Шмидт И. В. Костяное комбинированное орудие со стоянки финального палеолита Черноозерье II // Уральский исторический вестник. 2024. № 1 (82). С. 136–146. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-1\(82\)-136-146](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-1(82)-136-146)
- Шмидт И. В. Об информационном характере Черноозерского орнамента (на примере анализа записей кинжала) // Известия ОГИК музея. 2005. Вып. 11. С. 98–105.
- Archaeology: The discipline of things / B. Olsen, M. Shanks, T. Webmoor, C. Witmore. Berkeley, CA : University of California Press, 2012. 255 p. <https://doi.org/10.1525/9780520954007>
- Barrett J. C. Towards an Archaeology of 'Social Life' // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Band 377. Sociality – Materiality – Practice: Cologne Contributions to Archaeology and Cultural Studies. Bonn, Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2022. P. 91–105.
- Bogost I. Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2012. 168 p. <https://doi.org/10.5749/minnesota/9780816678976.001.0001>
- Brown B. Thing Theory // Critical Inquiry. 2001. Vol. 28. P. 1–22.
- Bryant L. The Democracy of Objects. Ann Arbor: Open Humanities Press, 2011. 314 p.
- The Speculative Turn. Continental Materialism and Realism / Bryant L., Smicek N. & Harman G. (eds). Melbourne : RE.PRESS, 2011. 430 p.
- Coole D., Frost S. New Materialisms. Ontology, Agency, and Politics. Durham : Duke University Press, 2010. 352 p.
- Domanska E. Beyond Anthropocentrism in Historical Studies // Historein. 2010. Vol. 10. P. 118–130. <https://doi.org/10.12681/historein.11>
- Domanska E. The Return to Things // Archaeologia Polona. 2006. Vol. 44. P. 171–185.
- Edgeworth M. Follow the Cut, Follow the Rhythm, Follow the Material. With comments from Å. Berggren, A. González-Ruibal, T. Ingold, G. Lucas, R. Skeates, & C. Witmore // Norwegian Archaeological Review. 2012. Vol. 45, N 1. P. 76–114. <https://doi.org/10.1080/00293652.2012.669995>
- Olsen B. After Interpretation: Remembering archaeology // Current Swedish Archaeology. 2012. Vol. 20. P. 11–34. <https://doi.org/10.37718/CSA.2012.01>
- Olsen B. Material Culture after Text: Re-membering things // Norwegian Archaeological Review. 2003. Vol. 36, N 2. P. 87–104.
- Preda A. The Turn to Things. Arguments for a Sociological Theory of Things // Sociological Quarterly. 1999. Vol. 40. P. 347–366.
- Schmidt I.V. The Earliest Snake Images in the Middle Irtysh Region // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2025. Vol. 53/2. P. 25–33. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2025.53.2.025-033>
- Trentman F. Materiality in the Future of History. Things, Practices, and Politics // Journal of British Studies. 2009. Vol. 48. P. 283–307.
- Wolfe C. What is Posthumanism? Minneapolis : University of Minnesota Press, 2010. 392 p.

References

- Barrett J. C. Towards an Archaeology of 'Social Life'. *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Band 377. Sociality – Materiality – Practice: Cologne Contributions to Archaeology and Cultural Studies*. Bonn, Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2022, pp. 91–105.

- Bogost I. Alien Phenomenology, or What It's Like to Be a Thing. Minneapolis, University of Minnesota Press, 2012, 168 p. <https://doi.org/10.5749/minnesota/9780816678976.001.0001>
- Brown B. Thing Theory. *Critical Inquiry*. 2001, Vol. 28, pp. 1–22.
- Bryant L. *The Democracy of Objects*. Ann Arbor, Open Humanities Press, 2011, 314 p.
- Bryant L., Srnicek N., Harman G. (eds.). *The Speculative Turn. Continental Materialism and Realism*. Melbourne, RE.PRESS, 2011, 430 p.
- Coole D., Frost S. *New Materialisms. Ontology, Agency, and Politics*. Durham, Duke University Press, 2010, 352 p.
- Domanska E. The Return to Things. *Archaeologia Polona*. 2006, Vol. 44, pp. 171–185.
- Domanska E. Beyond Anthropocentrism in Historical Studies. *Historein*. 2010, Vol. 10, pp. 118–130. <https://doi.org/10.12681/historein.11>
- Edgeworth M. Follow the Cut, Follow the Rhythm, Follow the Material. With comments from Å. Berggren, A. González-Ruibal, T. Ingold, G. Lucas, R. Skeates, & C. Witmore. *Norwegian Archaeological Review*. 2012, Vol. 45 (1), pp. 76–114. <https://doi.org/10.1080/00293652.2012.669995>
- Frolov B. A. *Chisla v grafike paleolita [Numbers in the Paleolithic graph]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974, 240 p. (In Russ.)
- Gening V. F., Petrin V. T. *Pozdnepaleoliticheskaya epokha na yuge Zapadnoi Sibiri [The Late Paleolithic epoch in the south of Western Siberia]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985, 88 p. (In Russ.)
- Kungurova N. Yu. Okhota neoliticheskikh obitatelei Katuni [Hunting of the Neolithic inhabitants of Katun]. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii [The Antiquities of Altai. Proceedings of the Laboratory of Archaeology]*. 1997, Vol. 2, pp. 3–8. (In Russ.)
- Olsen B. Material Culture after Text: Remembering things. *Norwegian Archaeological Review*. 2003, Vol. 36, N 2, pp. 87–104.
- Olsen B. After Interpretation: Remembering archaeology. *Current Swedish Archaeology*. 2012, Vol. 20, pp. 11–34. <https://doi.org/10.37718/CSA.2012.01>
- Olsen B., Shanks M., Webmoor T., Witmore C. *Archaeology: The discipline of things*. Berkeley, CA, University of California Press, 2012, 255 p. <https://doi.org/10.1525/9780520954007>
- Petrin V. T. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh pozdnepaleoliticheskoi stoyanki Chernoozerie II, proizvedennykh v 1970 godu v Sargatskom raione Omskoi oblasti [Report on archaeological excavations of the Late Paleolithic site of Chernoozerye II, carried out in 1970 in the Sargatsky district of the Omsk region]. *Arkhiv Instituta arkheologii RAN [Archive of Institute of Archaeology of RAS]*. F-1, R-1, № 4336. Sverdlovsk, 1971, 21 p. (In Russ.)
- Petrin V. T. *Paleoliticheskie pamyatniki Zapadno-Sibirskoi ravniny [Paleolithic sites of the West Siberian Plain]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, 139 p. (In Russ.)
- Preda A. The Turn to Things. Arguments for a Sociological Theory of Things. *Sociological Quarterly*. 1999, Vol. 40, pp. 347–366.
- Shmidt I. V. Ob informatsionnom kharaktere Chernoozerskogo ornamenta (na primere analiza zapisei kinzhala) [On the Informational Character of Chernoozerie Ornamentation (Based on Analysis of Kinzhal Records)]. *Izvestiya Omskogo Gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia [Proceedings of the Omsk State Historical and Local Lore Museum]*. 2005, Is. 11, pp. 98–105. (In Russ.)
- Shmidt I. V. Kostyanoe kombinirovannoe orudie so stoyanki finalnogo paleolita Chernoozerie II [A Combined Bone Tool from the Final Paleolithic Chernoozerye II Site]. *Uralskii istoricheskii vestnik [Ural Historical Journal]*. 2024, Vol. 1, Part 82, pp. 136–146. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-1\(82\)-136-146](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-1(82)-136-146) (In Russ.)
- Schmidt I. V. The Earliest Snake Images in the Middle Irtysh Region. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2025, Vol. 53, Part 2, pp. 25–33. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2025.53.2.025-033>
- Trentman F. Materiality in the Future of History. Things, Practices, and Politics. *Journal of British Studies*. 2009, Vol. 48, pp. 283–307.
- Wolfe C. *What is Posthumanism?* Minneapolis, University of Minnesota Press, 2010, 392 p.

Сведения об авторах

Горбунова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; Россия, 664077, г. Омск, Проспект Мира, 55а
e-mail: dr.stones@yandex.ru

Шмидт Ирина Викторовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; Россия, 664077, г. Омск, Проспект Мира, 55а
e-mail: rebew@rambler.ru

Information about the authors

Gorbunova Tatiana Aleksandrovna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of World History, Dostoevsky Omsk State University; 55a, Mir ave., Omsk, 644077, Russian Federation
e-mail: dr.stones@yandex.ru

Shmidt Irina Viktorovna

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Theology, Philosophy and Cultural Studies, Dostoevsky Omsk State University; 55a, Mir ave., Omsk, 644077, Russian Federation
e-mail: rebew@rambler.ru

Дресвянский археологический микрорайон в системе древностей Каменского Приобья (Верхнее Приобье)

Р. В. Белоусов, Н. Н. Головченко*

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

Аннотация. Представлена характеристика Дресвянского археологического микрорайона, расположенного в Каменском Приобье (Верхнее Приобье), с позиций археологического ландшафтоведения. Предложена схема соотношения ландшафтных и археологических структур: от отдельного памятника до целого региона и провинции. Апробирована методика применения ландшафтоведческого подхода к изучению археологических микрорайонов Верхнего Приобья в целом и Дресвянского микрорайона в частности. Охарактеризованы конкретные археологические объекты Дресвянского микрорайона (курганные могильники Дресвянка и Дресвянка-I, поселения Дресвянка-II–V). Установлены ядро и периферия Дресвянского микрорайона. На основе анализа археологических данных выявлены тесные связи между правобережными и левобережными археологическими микрорайонами Каменского Приобья.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, археологические микрорайоны, Дресвянский археологический микрорайон.

Для цитирования: Белоусов Р. В., Головченко Н. Н. Дресвянский археологический микрорайон в системе древностей Каменского Приобья (Верхнее Приобье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2026. Т. 55. С. 15–36. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2026.55.15>

Dresvyanka Archaeological Microdistrict in the Settlement History of the Kamen-na-Obi Area, Upper Ob Region

R. V. Belousov, N. N. Golovchenko*

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. This paper presents a comprehensive landscape-based study of the Dresvyanka archaeological microdistrict, located in the Kamen-na-Obi area – a historically and culturally significant area of Southern Siberia. Despite the region's recognised importance for understanding ancient inter-cultural communications, the Upper Ob basin remains poorly explored in terms of systematic archaeological micro-zoning. To address this methodological gap, the study integrates Russian scholarly approaches to archaeological landscape studies into a unified analytical framework. We propose a hierarchical taxonomy of archaeological space, drawing on landscape-study principles and comprising the following units (from smallest to largest): individual site (facies); site cluster (sub-urochishche); archaeological microdistrict (urochishche); archaeological district (locality); archaeological region (landscape); and archaeological province. Within this framework, the archaeological microdistrict serves as the central unit of field analysis, as it enables the identification of stable relationships among different site types – including settlements, cemeteries, sanctuaries, and economic territories. To illustrate the proposed approach, the study examines the Dresvyanka archaeological microdistrict, situated near the village of Dresvyanka (Kamensky District, Altai Krai). A detailed internal structure analysis identifies its core and periphery and characterises its principal components: the Dresvyanka and Dresvyanka-1 burial mounds; the settlements of Dresvyanka-2, 4, and 5; and the fortified settlement of Dresvyanka-3. The results indicate that the formation and long-term persistence of this microdistrict – from the Late Bronze Age through to the ethnographic period – were governed by a specific constellation of landscape and geographical factors that rendered the territory consistently habitable and strategically favorable. Furthermore, the study establishes connections between the Dresvyanka microdistrict and neighboring archaeological zones on both banks of the Ob River. Probable routes of communication and interaction between settlements are reconstructed, highlighting the microdistrict's role as a transportation node and cultural crossroads within the broader regional network.

Keywords: Upper Ob Region, archaeological microdistricts, Dresvyanka archaeological microdistrict.

For citation: Belousov R. V., Golovchenko N. N. Dresvyanka Archaeological Microdistrict in the Settlement History of the Kamen-na-Obi Area, Upper Ob Region. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2026, Vol. 55, pp. 15–36. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2026.55.15> (In Russ.)

* Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
See the last page of the article for full authors information.

Введение

Верхнее Приобье – одна из ключевых территорий для изучения историко-культурных процессов, происходивших в древности на просторах Южной и Западной Сибири (рис. 1). Важное значение данного региона обусловлено его